

Правовые и политические аспекты управления

Андреев И.В.

Новые материалы о биографии М.Я. Острогорского

Андреев Игорь Владимирович — кандидат философских наук, доцент, Институт экономики, управления и информационных систем в строительстве и недвижимости, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва, РФ.

Е-mail: Andreev-i-v@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [8548-6341](https://elibrary.ru/8548-6341)

Аннотация

В статье анализируются сведения о жизненном и творческом пути выдающегося российского политического мыслителя, одного из основоположников современной теории политических партий М.Я. Острогорского (1854–1921), найденные автором в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) и ранее не вводившиеся в научный оборот. Данная информация содержится в трех не публиковавшихся прежде письмах Острогорского, а также в переписке его родственников — отца, брата Александра, сестер Анны и Аделины и др. Автор полагает, что эти материалы позволяют по-новому осветить этапы творческой эволюции Острогорского, мотивационные факторы и практически-политические преломления его исследовательского проекта. В частности, автор приходит к выводу, что начало второго («заграничного») этапа творческой эволюции мыслителя надо датировать не 1883 г., как считалось ранее, а 1882 г. Автор показывает, что стремление Острогорского участвовать в практической политической деятельности обозначилось не после его возвращения в Россию в 1902 г., а еще в 70-е — 80-е гг. XIX в., в период его службы в Министерстве юстиции, и продолжилось во время его пребывания во Франции. Личностные характеристики М.Я. Острогорского, данные его родственниками, являются интересными дополнениями к сложившемуся в научной литературе психологическому портрету этого ученого как человека, беспредельно преданного науке и готового к бескомпромиссной защите своих концептуальных выводов.

Ключевые слова

М.Я. Острогорский, теория политических партий, этапы творческой эволюции.

Фонд В.Р. Лейкиной-Свирской

В последние десятилетия в нашей стране и за рубежом наблюдается рост интереса к жизни и творчеству выдающегося российского политического мыслителя Моисея Яковлевича Острогорского (1854–1921 гг.). На рубеже XIX–XX вв. Острогорский на английском и американском материале рассмотрел основные закономерности становления политических партий, что дало основание значительной части научного сообщества отнести его к числу основоположников современной партологии и современной политической науки в целом. Так, М. Вебер использовал выводы Острогорского в своем анализе проблематики политического лидерства¹. П.А. Сорокин относил его к числу «лучших и самых компетентных исследователей»

¹ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 678–689.

политической стратификации². Классик партологии середины XX в. М. Дюверже подчеркивал, что именно Острогорский «первым проложил дорогу» «интересным исследованиям» организационного механизма политических партий³. А.Н. Медушевский и П. Розанваллон констатировали приоритет Острогорского в разработке основ социологии политических партий и социологии организаций⁴. Вместе с тем парадоксальный итоговый вывод Моисея Яковлевича о необходимости вытеснения института политических партий из общественной жизни был подвергнут резкой критике рядом исследователей, квалифицировавших его методологические подходы как субъективистские и «наивные»⁵. Что касается попыток ученого заявить о себе на поприще практической политики, то здесь современникам особенно запомнилась его деятельность в качестве депутата I Государственной думы (1906 г.). Центральная роль, сыгранная Острогорским в подготовке думского Наказа (регламента работы), получила высокую оценку видного кадетского деятеля В.Д. Набокова, отметившего, что его имя «не будет забыто в истории нашего парламентского права»⁶.

Мы полагаем, что дискуссия о роли и месте М.Я. Острогорского в истории политической мысли отнюдь не завершена, причем материал для ее дальнейшего ведения предстоит изыскивать не только в очередных интерпретациях его главной работы — двухтомной монографии «Демократия и организация политических партий»⁷ (к сожалению, до сих пор не увидевшей свет на русском языке) и ее популярного, примерно вдвое сокращенного «переложения» — книги «Демократия и политические партии», впервые напечатанной во Франции в 1912 г., а затем трижды (в 1927–1930, 1997 и 2010 гг.) издававшейся в нашей стране. Актуальным остается дальнейший источниковедческий поиск, связанный с выявлением неизвестных или не введившихся в научный оборот публикаций и писем ученого, а также материалов о нем, способных по-новому осветить этапы творческой эволюции Острогорского, мотивационные факторы и практически-политические преломления его исследовательского проекта. Несмотря на открытия последних лет, можно с уверенностью предвидеть, что в этой

² Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 306–307.

³ Дюверже М. Политические партии / Пер. с фр. М.: Академический проект, 2002. С. 18–19.

⁴ Медушевский А.Н. История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993. С.225–239; Rosanvallon P. Lire Ostrogorski // Ostrogorski M. La Democratie et partis politiques. Paris: Seuil, 1979. P. 15.

⁵ Андреев И.В. Русская либеральная партология: методологические ориентиры и содержание (вторая половина XIX в. — 1917 г.). М.: МГСУ, 2014. С. 77–114.

⁶ Набоков В.Д. Первый председатель Государственной думы // С.А. Муромцев и Первая Дума: Сб. ст. / Подгот. к печати К.А. Муромцевым. Tenaflly, N.J.: Hermitage, 1998. С. 66.

⁷ Ostrogorski M. Democracy and the Organization of Political Parties. 2 vol. / Translated from the French by F. Clarke. London; New York: Macmillan, 1902.

области нас еще ожидают новые интересные находки. Одним из подтверждений этого являются недавно изученные автором документы из фонда известного советского историка В.Р. Лейкиной-Свирской (1901–1993 гг.), хранящегося в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Речь идет о более чем 170 единицах хранения, в которых отложились материалы семей Малкиных и Острогорских⁸.

Определенную работу по вводу данных материалов в научный оборот проделала сама В.Р. Лейкина-Свирская, создавшая, в частности, поколенную нисходящую роспись рода Острогорских за вторую половину XIX — первую половину XX вв. и осуществившая аннотацию переписки между некоторыми представителями семей Малкиных и Острогорских⁹. Некоторые материалы, касающиеся директора Тенишевского училища А.Я. Острогорского, брата Моисея Яковлевича, ввела в научный оборот М.Г. Сальман¹⁰. Однако анализ указанных единиц хранения с целью выявления и систематизации сведений о жизненном и творческом пути М.Я. Острогорского еще никем не проводился. Восполнение данного пробела мы и рассматриваем в качестве цели настоящей статьи. Для ее достижения необходимо установить, прежде всего, какое новое знание содержится в материалах фонда относительно этапов творческой эволюции мыслителя, его практической политической деятельности, личностных характеристик Моисея Яковлевича, особенностей его взаимоотношений с родственниками.

Дела из данного фонда, представляющие наибольший интерес в рамках нашего исследования, формально можно классифицировать следующим образом:

1) Три письма М.Я. Острогорского к его сестре Анне Острогорской (по мужу — Малкиной), написанные в 1899–1901 гг., когда политический мыслитель жил в Париже;

2) Письма к М.Я. Острогорскому, написанные его отцом — Я.-М.М. Острогорским, его сестрой Анной Острогорской-Малкиной и братом Александром;

3) Относящиеся к М.Я. Острогорскому фрагменты переписки указанных выше персонажей, а также его сестры Аделины Острогорской (по мужу — Коган) и мужа А.Я. Острогорской-Малкиной — Р.С. Малкина.

---

⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1160. Лейкина-Свирская Вера Романовна.

⁹ Там же. Ед. хр. 480, 1359–1365, 1382.

¹⁰ Сальман М.Г. Из школьных лет О.Э. Мандельштама // Русская литература. 2013. № 3. С. 168–181; № 4. С. 200–211.

Три письма М.Я. Острогорского

Сохранившиеся письма М.Я. Острогорского свидетельствуют главным образом о достаточно дружеских и разносторонних контактах Моисея Яковлевича с его сестрой Анной, бывшей в те годы редактором-издателем журнала «Юный читатель». Моисей Яковлевич сообщает сестре о своем согласии на использование в журнале клише его учебников русской истории, обговаривает детали подачи рекламной информации о «Юном читателе» в издаваемом им самим ежегоднике «Юридический календарь». Попутно он (в письме от 16 апреля 1899 г.) удовлетворяет любопытство сестры, стоявшей на «прогрессивных» позициях, относительно реакции французской общественности на студенческие выступления в Петербурге и меры царской администрации по ограничению автономии Финляндии. «Было бы преувеличением сказать, — сообщает Моисей Яковлевич, — что финляндские дела возбудили здесь сенсацию, масса публики, т. е. интеллигентной, и не знала о существовании Финляндии. О студенческих делах еще менее знают здесь»¹¹.

Следует отметить и отраженную в письмах 1899 г. колоссальную интенсивность работы М.Я. Острогорского над монографией «Демократия и организация политических партий» на завершающем этапе ее подготовки. В письме от 16 апреля 1899 г. он пишет о своем желании вырваться куда-нибудь из Парижа, в котором стоит «ужасная» погода, «холод и дождь». Но «мне работать надо», констатирует Моисей Яковлевич, и даже имея возможность упаковать необходимые материалы в один чемодан, «все-таки надо быть поближе от библиотеки»¹². О том же сообщает М.Я. Острогорский в письме от 3 ноября 1899 г.: «Я все еще нахожусь в осадном положении, завален работой до *невозможного*...»¹³.

Самым интересным местом в этой корреспонденции представляется выраженное М.Я. Острогорским в письме от 3 ноября 1899 г. намерение «через несколько дней... взяться за статью о Дрейфусе и отделать ее в два дня»¹⁴. Как известно, Моисей Яковлевич весьма остро переживал перипетии «дела Дрейфуса», рассматривая его в контексте неблагоприятных, как ему представлялось, перспектив эволюции политической системы Франции. Вспоминая впоследствии свои умонастроения того периода, он писал о переполнявшем его «чувстве отчаяния и бессильной ярости» при виде окончательно «погибших» «правосудия, истины,

¹¹ ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1288. Л. 1об.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же.

элементарной честности и здравого смысла»¹⁵. Надо полагать, публикацией своей статьи ученый намеревался принять участие в общественной дискуссии, развернувшейся после помилования А. Дрейфуса президентом Э. Лубе (19 сентября 1899 г.). Принятие Дрейфусом помилования восстановило против него многих его сторонников, полагавших, что тем самым он косвенно признал свою вину. Не исключено, что Острогорский, юрист по образованию и первоначальному роду деятельности, хотел осветить правовые аспекты данной коллизии. Однако, по всей видимости, замысел Моисея Яковлевича не был до конца реализован, поскольку даже в самых подробных библиографических справочниках по «делу Дрейфуса» никакие его публикации не упоминаются¹⁶.

Тематика общественно-политической деятельности М.Я. Острогорского, неразрывно связанная с этапами творческой эволюции мыслителя, присутствует и в двух других блоках корреспонденции семей Острогорских и Малкиных.

Этапы творческой биографии М.Я. Острогорского

Автор настоящей статьи до последнего времени полагал, что периодизация творческой эволюции М.Я. Острогорского включает три этапа: 1) «ранний российский» (1871–1882 гг.); 2) зарубежный (1883–1902 гг.); 3) «поздний российский» (1902–1921 гг.)¹⁷. Завершение «раннего российского» этапа 1882-м годом обосновывалось тем, что последним документальным свидетельством пребывания Моисея Яковлевича в России была его просьба об отставке со службы в Министерстве юстиции, датированная 27 ноября 1882 г.¹⁸ В то же время первым подтверждением пребывания Острогорского за границей являлось свидетельство французского журналиста А. Берля о его знакомстве с Моисеем Яковлевичем «в одном из левобережных кафе» Парижа весной 1883 г.¹⁹; в том же году Острогорский начал обучение в парижской Свободной школе политических наук. Письма отца политического мыслителя от 24 и 28 января 1883 г. позволяют заметно скорректировать эту картину. Оказалось, что после своей отставки Острогорский приехал в родной Гродно, где сильно озадачил отца намерением учиться в Тулузском университете. Затем Моисей Яковлевич через

¹⁵ *Quagliariello G.* Contributo alla biografia di Ostrogorski // *Ricerche di Storia Politica*. — Anno X / 1995. Bologna: Societa editrice il Milano, 1995. P. 12–13.

¹⁶ См., к примеру: *A Comprehensive Digital Bibliography of the Dreyfus Affaire. Its Time and Legacy: A Supplement to the Lorraine Beitler Collection of the Dreyfus Affaire at the Univ. of Pennsylvania / Compiled by J.-M. Guieu.* Philadelphia: The University of Pennsylvania, 2005.

¹⁷ *Андреев И.В.* Первая научная работа М.Я. Острогорского // *Полис. (Политические исследования)*. 2005. № 5. С. 155, прим. 1.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 73. Ед. хр. 6158. Л. 85.

¹⁹ *Берль А.* М.Я. Острогорский [Некролог] // *Еврейская трибуна*. Париж, 6 мая 1921.

Австро-Венгрию и Швейцарию проследовал в Тулузу. «Мне кажется, — писал сыну Яков-Меер Моисеевич, — что Париж во всех отношениях удобнее и полезнее для тебя не только для настоящего, но и для будущего времени»²⁰. Судя по письму Якова-Меера Моисеевича от 28 января 1883 г., у М.Я. Острогорского сложилось негативное впечатление о Тулузском университете²¹, на что, разумеется, требуется некоторое время. А поскольку, к тому же, Яков-Меер Моисеевич в конце января 1883 г. поинтересовался у сына, в какую сумму ему обходится *ежемесячное* проживание в Тулузе, то можно с уверенностью предположить, что Острогорский отбыл из России в декабре 1882 г., и именно с этой даты следует вести отсчет заграничного этапа его творческой эволюции.

Общественно-политическая деятельность М.Я. Острогорского

Ранее мы полагали, что начало общественно-политической деятельности М.Я. Острогорского в России следует датировать 1903-м годом, когда он стал участвовать в правозащитной деятельности кружка еврейских общественных деятелей Петербурга («Бюро защиты евреев»). Однако относящаяся к 1887 г. малозначимая, на первый взгляд, просьба Александра Острогорского к Моисею Яковлевичу о содействии в поступлении на юридический факультет Санкт-Петербургского университета позволяет, на наш взгляд, поставить этот вопрос по-новому. В письме от 8 ноября 1887 г. Александр спрашивал старшего брата, может ли оказать протекцию в этом деле «Бакст Ник», и просил Моисея: «Напиши ему, пожалуйста, он для тебя это сделает»²². Речь шла, несомненно, о профессоре медицинского факультета Санкт-Петербургского университета Николае Игнатьевиче (Исааковиче) Баксте (1842–1904 гг.). Но каким образом молодой сотрудник Министерства юстиции (в 1875–1882 гг.) М.Я. Острогорский смог приобрести такой авторитет в глазах специалиста по физиологии Н.И. Бакста? Мы полагаем, что знакомство Острогорского с Бакстом, по всей вероятности, относится к периоду 1879–1882 гг., когда вспышка антисемитизма в Германии и еврейские погромы в России обусловили активизацию еврейской общественной жизни в Петербурге. В частности, в 1879 г. начали выходить журналы «Русский еврей» и «Рассвет»; Н.И. Бакст принадлежал к «кружку» последнего. Знакомство Моисея Яковлевича с Бакстом свидетельствует о его нежелании ограничивать сферу своих интересов проблематикой карьерного роста

²⁰ ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1379. Л. 3–3об.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Ед. хр. 1373. Л. 22.

и стремлении участвовать в обсуждении перспективных путей решения еврейского вопроса в России, развернувшимся в среде столичной еврейской интеллигенции. Острогорского могли сблизать с Бакстом и предлагавшиеся Николаем Игнатъевичем подходы к этой проблеме, включавшие немедленное предоставление равноправия еврейскому народу наряду с недопущением излишней радикализации еврейского национального движения²³: таких подходов Моисей Яковлевич придерживался и в дальнейшем в ходе своего участия в руководстве прокадетской Еврейской народной группы (1907–1918 гг.)²⁴.

Мы не сомневаемся также в том, что контакты с Бакстом Острогорский поддерживал и после своего отъезда за границу. В частности, он мог консультировать по правовым вопросам Бакста, привлеченного в качестве эксперта в правительственную комиссию по пересмотру российского законодательства о евреях, существовавшую в 1883–1889 гг. Нельзя исключать и того, что Острогорский делился с Николаем Игнатъевичем своими соображениями относительно феномена антисемитизма, достаточно громко заявившего о себе по мере развития «дела Дрейфуса».

Ранее мы полагали также, что после своих поражений в кампаниях по выборам депутатов II и III Государственных дум (февраль и октябрь 1907 г. соответственно) Острогорский принял решение не участвовать впредь в политической борьбе на общероссийском уровне²⁵. Однако письмо Анны Острогорской-Малкиной отцу, написанное предположительно в конце мая — начале июня 1909 г., позволяет скорректировать этот вывод. Предысторией письма была крайне резкая реакция политического мыслителя на продажу отцом — без консультации с ним — дома в Гродно. Анна поспешила успокоить отца, уверяя его в том, что Моисей, напротив, «очень рад» избавлению Якова-Меера Моисеевича «от забот и хлопот, связанных с владением домом». «Но, — разъясняла далее Анна, — чем он действительно имеет основания быть недовольным и что *нас всех ужасно огорчает* (курсив мой — И.А.), это то, что он лишился избирательного ценза, не успев заменить его новым. Это большая и, вероятно, непоправимая ошибка. Я думаю, Вам не следовало так торопиться с подписанием договора..., не заручившись согласием Моисея». «А теперь посмотрите,

²³ Ю.Г. Бакст, Николай Игнатъевич // Еврейская энциклопедия. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1909. Т. 3. Стб. 698–701.

²⁴ Андреев И.В. Гродненские эпизоды политической биографии М.Я. Острогорского // Регионалистика: Сб. науч. тр. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Т.И. Адуло [и др.]; науч. ред. В.Н. Ватыль. Гродно: ГрГУ, 2009. С. 61–77.

²⁵ Там же. С. 73.

что из этого выходит», — прогнозировала Анна, имея в виду, разумеется, не право брата *избирать* в Гродненской губернии (этим правом он располагал и в Петербурге), а его право *быть избранным на родине*. «Моисей избирательного ценза не имеет. Представьте себе, что через месяц или два будет распущена Дума и назначены новые выборы». И Моисей принять в них участие не сможет, потому что «для этого нужно владеть цензом *не менее года*»²⁶.

Как мы видим, это письмо свидетельствует не только о чувстве гордости, которое испытывали родственники М.Я. Острогорского в связи с его парламентской деятельностью, но и о том, что по крайней мере до середины 1909 г. Моисей Яковлевич не оставлял надежд на возвращение в большую политику. Как известно, этим планам не суждено было осуществиться. Последний период практической политической активности мыслителя относится к 1917–1918 гг., когда он принимал участие в координации действий различных потоков еврейского национального движения²⁷. Но общественный резонанс этой работы, разумеется, был несопоставим со «звездным часом» Острогорского — 72 днями его законодательной деятельности в первом русском парламенте.

Психологические особенности М.Я. Острогорского

Сообщая Анне о своем разочаровании отсутствием у Моисея должных сыновних чувств по отношению к себе, Яков-Меер Моисеевич вместе с тем добавляет новые штрихи к психологическому портрету М.Я. Острогорского. «Я не постарался убедить его в корректности всех моих поступков при продаже дома, — писал Яков-Меер Моисеевич. — Зачем? Мой труд оказался бы тщетным и напрасным. *Его невозможно убедить. Он не знает пощады в своей критике...* (курсив мой — И.А.)»²⁸. Об этой же личностной особенности брата упоминал Александр, оговариваясь, впрочем, что его непреклонность в отстаивании своей точки зрения основывается на предварительном обстоятельном изучении всех аспектов проблемы. «Ты всегда считаешь свое мнение непогрешимым и никогда от него не отказываешься, сколько бы тебе не доказывали противного, — писал он Моисею 18 января 1891 г., — так как ты уверен, что твои мнения составляются беспристрастно и по долгом наблюдении и размышлении»²⁹.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1246. Л. 22–23.

²⁷ Андреев И.В. М.Я. Острогорский: последний акт жизненной драмы // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сб. статей / Отв. ред. В.И. Гладилина. М.: РосЗИТЛП, 2007. Вып. 5. С. 78–92.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1291. Л. 60б.

²⁹ Там же. Ед. хр. 1375. Л. 1.

Нежелание Моисея Яковлевича пересматривать раз принятые смысловые ориентиры особенно ярко проявилось в его подходе к поставленному Александром вопросу о возможности перехода в христианскую веру для заключения брака с любимой девушкой. Судя по письмам Александра, Моисей приписывал исповеданию иудаизма некий экзистенциальный смысл, позволявший приобщить индивида ко всей полноте бытия и способствовать обретению им подлинного, а не обывательского счастья, полной реализации своего личностного потенциала. А это, как верил он, неизмеримо превосходило все утилитарные выгоды, которые могло бы принести отступничество от истинной веры. «Я вполне согласен с тобой, — писал Александр Моисею, — что стать на практическую, рассудочную почву очень удобно: горя и страданий наполовину убудет, жизнь станет далеко легче, но это не будет *жизнь*. Ведь и тебе самому приходится много страдать, потому что ты часто не хочешь стать на эту практическую почву» и «предпочитаешь страдать. Почему?» «Оттого», писал Александр, отвечая на поставленный им вопрос, что по твоим представлениям «жизнь есть борьба»³⁰.

Но смыслом жизни и борьбы для Моисея Яковлевича выступала реализация его научного проекта, и это обстоятельство позволяет конкретизировать мотивы непреклонного сохранения им своей изначальной конфессиональной идентичности. Встречая раз за разом содержащиеся в научных работах и политических выступлениях Острогорского апелляции к библейским текстам, трудно избавиться от ощущения, что он мог воспринимать себя как нового пророка, призванного вывести уже не одних евреев, а все человечество из плена партийной системы, исцелить его от «языческого» по своей сути поклонения партийным фетишам и ознакомить граждан с установленными «Богом живым» политическими нормами и ценностями.

Кстати, исследователи творчества М.Я. Острогорского уже давно подметили, что в религиозные формы облекались и процесс научного творчества мыслителя, и его результаты. Так, П. Помбини отмечал, что Моисей Яковлевич работал над своей политической концепцией «как одержимый», «с фанатизмом основоположника новой религии»³¹, а плод этих усилий, по мнению Г. Куалььярьелло, производил впечатление

---

³⁰ ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1373. Л. 23–23об. Отметим попутно, что в конечном итоге доводы Моисея Яковлевича не достигли своей цели: Александр все же перешел в лютеранство. Это позволило ему сделать блестящую педагогическую карьеру, стать директором петербургского Тенишевского училища, известного новаторской постановкой учебно-воспитательного процесса.

³¹ *Pombini P.* Introduzione alla storia dei partiti politici. Bologna: Societa editrice il Milano, 1990. P. 190–191.

«антипартийной “Библии”»³². А Дж. Мейси вообще отрицал научный статус концепции Острогорского, рассматривая ее как продукт «теологического метода»³³.

В числе других психологических характеристик Моисея Яковлевича его родственники упоминали также капризность, педантизм, некоммуникабельность, эмоциональную холодность. Но последнее качество, как отмечали они, выступало лишь внешней формой, таившей значительный потенциал эмпатии, способности мыслителя к сопереживанию и содействию родным и близким. «Я знаю, — писал Александр Моисею, — что у тебя много души, под твоей внешней холодностью ты скрываешь горячее сердце, которое полно сочувствия и любви...»³⁴. Особенно велика была признательность Моисея Яковлевича отцу. Как известно, именно ему мыслитель посвятил свой главный труд. Но из письма Якова-Меера Моисеевича М.Я. Острогорскому от 25 января 1891 г. мы узнали и то, что его знаменитый сын предназначил «свой с невероятным трудом собранный капитал» на пожизненное обеспечение отца³⁵.

Аделина Острогорская — «добрый ангел» Моисея Яковлевича?

Весьма интересные сведения в фонде В.М. Лейкиной-Свирской мы обнаружили о сестре Моисея Яковлевича Аделине, — сведения, которые, возможно, дают основания считать ее «добрым ангелом» политического мыслителя, по крайней мере в первый период его тяжелого заболевания, начавшегося в 1913 г.

До сих пор было известно, что получившая образование в гродненской гимназии Аделина какое-то время работала учительницей в частной еврейской школе для девочек, директором которой была ее мать — Теофания Васильевна Острогорская. Затем, переехав в Петербург, она занималась деятельностью по изданию написанных Моисеем Яковлевичем справочных изданий по юриспруденции и учебных пособий по истории, а после заболевания брата входила в число его опекунов.

Переписка членов семей Малкиных и Острогорских позволяет приблизительно определить год рождения Аделины — 1868-й. По мнению Анны, в гимназии девочка демонстрировала весьма посредственные успехи. Вместе с тем отец Аделины и брат

³² *Quagliariello G.* Politics without Parties. Moisei Ostrogorski and the Debate on Political Parties on the Eve of the Twentieth Century. Aldershot etc.: Avebury, 1996. P. 1.

³³ *Macy J.* [Рец. на кн.:] Ostrogorski M. Democracy and the Party System in the United States: A Study in Extra-Constitutional Government. N.Y.: Macmillan, 1910 // The American Political Science Review. 1911. No 3 (August). P. 473.

³⁴ ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1374. Л. 39об.

³⁵ Там же. Ед. хр. 1380. Л. 1об.

Александр с гордостью отмечали ее вокальные способности, позволившие ей в 1890 г. сделать попытку поступления в Петербургскую консерваторию.

Переписка Аделины с Анной в 1905–1913 гг. свидетельствует о высоком материальном достатке, который обеспечила ей работа по изданию трудов М.Я. Острогорского: Аделина подробно описывает свои впечатления от посещения германских, швейцарских и итальянских курортов. При этом только один раз ближайшая помощница политического мыслителя обратилась к политической тематике: в связи с проведением в сентябре 1905 г. съезда земских и городских деятелей в Москве она задалась вопросом о перспективах «этих конституционалистов», не имевших, по ее мнению, «экономической программы», в будущей Государственной думе: «Что-то будет?»³⁶. В этой корреспонденции, однако, имя Моисея Яковлевича не было упомянуто ни разу.

Тем неожиданной поэтому представляется участие Аделины в судьбе брата, драматический поворот в которой обозначился 15 (28) сентября 1913 г., когда его постигло кровоизлияние в мозг. Ценным свидетельством являются приводимые Аделиной характеристики психического состояния Моисея Яковлевича, испытывавшего неимоверные физические страдания, побуждавшие его желать ухода из жизни, и в то же время пытавшегося вернуться к умственной деятельности, осознавая при этом весь ужас своего положения³⁷.

В первые дни после инсульта медицинскую помощь Моисею Яковлевичу оказывал его брат, доктор медицины Савелий Острогорский, затем больного наблюдал известный петербургский психоневролог К.А. Бунге. Основываясь на пессимистических прогнозах Бунге, Аделина задавалась вопросом: «В случае выздоровления что ждёт Моисея? Существование парализованного человека, потому что, если он [и] будет в состоянии кое-как ходить, то рукой он владеть не будет, полная ясность мозга не вернется»³⁸.

И в этой ситуации Аделина принимает непонятное для некоторых родственников Моисея Яковлевича решение — возложить на себя бремя ухода за больным братом, каковы бы ни были перспективы развития его болезни. Это решение осталось неизменным и после помещения Моисея Яковлевича в лечебницу доктора Боритпольского. Муж Анны Острогорской Р.С. Малкин писал ей 24 декабря 1913 г.: «Единственно что меня еще волнует — это состояние Адели. <...> Она совсем

³⁶ ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1285. Л. 6об.

³⁷ Там же. Л. 14–17об.

³⁸ Там же. Л. 16об.

погрузилась в свои обязанности по отношению к Моисею, страшно мрачно смотрит на будущее...». Малкин сообщал жене, что здоровье Аделины пошатнулось после тех невероятных усилий, которые она приложила для ухода за братом: «вынести таких 3 месяца, как она вынесла, хоть здорового человека скрутит, не только ее». Аргументы Малкина относительно необходимости сохранить собственное здоровье и наличия каких-то пределов самопожертвования не производили впечатления на Аделину. Она была готова сопровождать брата за границу и находиться там в течение всего периода его госпитализации³⁹.

Создается впечатление, что в глазах Малкина Аделина, совершенно определенно артикулировавшая свое намерение «посвятить себя Моисею», была подвержена приступу некоей фанатической одержимости: «Трудно вообще передать ее состояние»⁴⁰.

Впрочем, за границу вместе с Моисеем Аделина не отправилась, зато, как свидетельствуют уже введенные в научный оборот документы, активно включилась в процесс учреждения над ним опеки. 28 февраля 1914 г. под ее наблюдением полиция произвела опись имущества М.Я. Острогорского в его квартире (5-я линия Васильевского острова, д. 10, кв. 5). А в мае 1914 г. Петербургский Сиротский суд на основании указа Правительствующего Сената о признании М.Я. Острогорского «страдающим сумасшествием» учредил над ним опеку. Опекунами были назначены сестра Аделина, брат Савелий и присяжный поверенный М.В. Каплан. Последний из опекунов фигурирует в документах как юрист, представлявший интересы Аделины в ходе освидетельствования состояния здоровья Моисея Яковлевича⁴¹.

Сразу же после учреждения опеки больной был отправлен в сопровождении сестры милосердия Марии Наумович на лечение в Германию, откуда смог вернуться на родину с относительно восстановленным здоровьем только летом 1916 г.

Документы Сиротского суда, равно как и материалы фонда В.Р. Лейкиной-Свирской не позволяют вполне прояснить мотивы дальнейшего поведения Аделины. 10 сентября 1914 г. она попросила освободить ее от опекунских обязанностей. А уже в декабре 1914 г. Аделина вместе со своей сестрой Еленой Рубинович подали в Сиротский суд иск против двух других опекунов — С.Я. Острогорского и

---

³⁹ ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1291. Л. 26об–27об.

⁴⁰ Там же. Л. 27.

⁴¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 1, 6–7а.

М.В. Каплана — и отсудили у них право опеки над частью ценных бумаг Моисея Яковлевича⁴².

Судя по воспоминаниям Г.Б. Слиозберга, ни Аделина, ни кто-либо другой из родственников Острогорского не оказывал ему никакой помощи в трудные послереволюционные годы. К счастью, его поддерживала Мария Наумович, даже организовавшая поездки Моисея Яковлевича в Малоярославец и Полтаву в летние месяцы 1919 и 1920 гг.⁴³ Но, несомненно, признательности заслуживает и Аделина, без самоотверженной опеки которой над тяжело больным братом его жизнь могла оборваться еще осенью 1913 г.

Предварительные выводы

Как мы могли убедиться, анализ содержащихся в фонде В.Р. Лейкиной-Свирской материалов позволил нам в известной степени скорректировать некоторые сложившиеся представления о жизненном и творческом пути М.Я. Острогорского, его общественно-политической деятельности. Однако приходится констатировать, что и в данном случае мы стали свидетелями распространенного феномена, когда источниковедческие открытия, «закрывая» какие-то «белые пятна» биографии нашего «героя», попутно ставят новые вопросы, в том числе и такого свойства, пути решения которых просматриваются с трудом или не просматриваются вовсе.

Так, например, одним из итогов нашего исследования является введение в научный оборот еще трех писем М.Я. Острогорского, одно из которых, как будет показано ниже, имеет немаловажное значение для характеристики «зарубежного» этапа творческой эволюции мыслителя. Вместе с тем надо отметить, что столь небольшое число принадлежащих перу М.Я. Острогорского документов из фонда В.Р. Лейкиной-Свирской является не только досадным, но и малообъяснимым обстоятельством. В семьях Острогорских и Малкиных было принято сохранять полученную корреспонденцию; она возвращалась в Россию даже адресатами, жившими за рубежом. Отец мыслителя и его брат Александр неоднократно упоминают о полученных ими письмах Моисея Яковлевича. Но они почему-то не сохранились. Вероятно, в данной связи можно говорить о стоящей перед исследователями-«острогорскооведами» сложной задаче выяснения причин этой ситуации и о продолжении поиска

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 34, 57–57об.

⁴³ Слиозберг Г.Б. Последние годы М.Я. Острогорского // Общее дело. Париж, 22 июня 1921. См. также: Андреев И.В. М.Я. Острогорский в Малоярославце и Полтаве (к постановке вопроса) // Вестник Калужского университета. 2011. № 2. С. 37–44.

корреспонденции мыслителя в других архивных источниках, у потомков клана Острогорских и т. д.

Интересной информацией, содержащейся в фонде В.Р. Лейкиной-Свирской, являются сведения о контактах между М.Я. Острогорским и Н.И. Бакстом, позволяющие сформулировать *гипотезу* о том, что начало общественно-политической деятельности Моисея Яковлевича в России следует отнести к 70-м гг. XIX в., т. е. к значительно более раннему, чем предполагалось прежде, периоду. Направленность общественно-политической активности Острогорского служит дополнительным подтверждением тезиса о том, что к моменту своей эмиграции из России он уже был убежденным либералом. Однако и в этом отношении предстоит дальнейшая работа по конкретизации сведений о системе взаимоотношений в рамках круга петербургской еврейской общественности 70-х — начала 80-х гг. XIX в. и особенно сведений о ее контактах с представителями официальных структур.

Достаточно значимыми представляются нам и сведения о подготовке М.Я. Острогорским в ноябре 1899 г. для публикации во французской прессе статьи, посвященной «делу Дрейфуса». Во-первых, мы полагаем, что факт отсутствия данной статьи в соответствующих библиографических указателях не снимает с нас обязанности поиска ее возможных предварительных набросков, которые могли сохраниться в каких-то архивных материалах, в том числе относящихся к французскому кругу общения Моисея Яковлевича (А. Берль, Л. Эрр и др.). Во-вторых, и это главное, само желание Острогорского публично высказаться по острейшему, буквально расколовшему Францию вопросу свидетельствует о его установке на *участие в общественно-политической жизни этой страны.*

Таким образом, анализ документов фонда В.Р. Лейкиной-Свирской позволяет сделать новый вывод о том, что стремление М.Я. Острогорского сочетать теоретические изыскания с практически-политической деятельностью было характерно не только для «второго российского» этапа его биографии (1902–1921 гг.), как считалось ранее. Оно было стержневым феноменом *всего* жизненного и творческого пути мыслителя. При этом его общественно-политическая активность была всегда ориентирована прежде всего на решение еврейского вопроса в том смысле, как его понимали российские и европейские либеральные круги, и протекала в рамках формальных еврейских организационных структур или неформальных групп интересов. Однако в кульминационный период своей практически-политической деятельности в качестве депутата I Государственной думы центральной задачей

Моисея Яковлевича стало ограничение влияния партийных фракций на принятие парламентских решений. По замыслу ученого, решение этой задачи могло бы внести существенный вклад в реализацию его излюбленной идеи о вытеснении политических партий из политического пространства.

Интересным нам видится документальное подтверждение имевшегося у М.Я. Острогорского по крайней мере до середины 1909 г. намерения вновь попробовать свои силы в предвыборной борьбе в Гродненской губернии за мандат депутата IV Государственной думы. Но из этого следует, по нашему мнению, что он не мог не размышлять над тактическими приемами, которые могли бы способствовать расколу помещичье-клерикально-крестьянского блока, воспрепятствовавшего его избранию во II и III Думы. К сожалению, ввиду крайней скудости информации об обстоятельствах биографии Острогорского в 1908–1912 гг. мы пока не располагаем никакими сведениями о его новых тактических замыслах. К разочарованию Моисея Яковлевича, III Дума не была скоропалительно распущена царем, как это было сделано с двумя ее предшественницами, и проработала весь отпущенный ей срок, т. е. до лета 1912 г. В IV Думу Острогорский не баллотировался. По нашему мнению, утрата Моисеем Яковлевичем избирательного ценза в Гродно из-за неудачной сделки с недвижимостью его отца не могла стать основной причиной этого решения, поскольку большие средства, которыми располагал к тому времени ученый, позволяли уладить ценовую проблему. Вероятнее всего, отказ от предвыборной борьбы мог быть связан с ухудшением здоровья Моисея Яковлевича и (или) с нарастающим осознанием им невозможности найти эффективные методы противодействия коалиции традиционалистских политических сил. И выборы в IV Думу в Гродненской губернии наглядно продемонстрировали, что шансы Острогорского на победу, если бы он и решился принять в них участие, были еще ниже, чем в обеих предшествующих неудачных избирательных кампаниях: все кандидаты от городской курии (преимущественно евреи) были забаллотированы, а избранные в Думу дворяне и крестьяне в своем подавляющем большинстве позиционировали себя как крайне правые.

Личностные характеристики М.Я. Острогорского, которые фигурируют в переписке его родственников, в известной мере соответствуют уже известным нам оценкам его коллег по научному сообществу. Так, английский политический мыслитель Дж. Брайс, лично хорошо знавший М.Я. Острогорского, описывал его как «в некоторых отношениях примечательного (*curious*) человека, демонстрирующего редкостное сочетание скромности и самоуверенности» и не расположенного в силу

последнего обстоятельства прислушиваться к каким-либо критическим замечаниям относительно своих научных выводов⁴⁴. Надо признать, что отмеченное современниками категорическое неприятие Моисеем Яковлевичем любых негативных высказываний о своей политической концепции контрастировало с ее методологическими основаниями, представлявшими собой эклектическое сочетание элементов позитивизма, рационализма, марксизма и др. Но еще более примечательными представляются нам отмеченные Аделиной Острогорской неукротимое желание пораженного тяжелейшей болезнью брата заниматься научным творчеством и его ужас при мысли о невозможности вернуться к исследовательской работе. Вероятно, эта «деятельностная» установка, подкрепляемая убежденностью в собственной избранности в качестве реформатора демократической политической системы, и выступала стержневым личностным качеством М.Я. Острогорского, завершившего одну из своих монографий формулой своего жизненного кредо: «Пока будет существовать идеал, борьба будет продолжаться»⁴⁵.

Список литературы:

1. *Андреев И.В.* Первая научная работа М.Я. Острогорского // Полис. Политические исследования. 2005. № 5. С. 155–165.
2. *Андреев И.В.* М.Я. Острогорский: последний акт жизненной драмы // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сб. статей / Отв. ред. В.И. Гладилина. М.: РосЗИТЛП, 2007. Вып. 5. С. 78–92.
3. *Андреев И.В.* Гродненские эпизоды политической биографии М.Я. Острогорского // Регионалистика: Сб. науч. тр. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Т.И. Адуло [и др.]; науч. ред. В.Н. Ватыль. Гродно: ГрГУ, 2009. С. 61–77.
4. *Андреев И.В.* М.Я. Острогорский в Малоярославце и Полтаве (к постановке вопроса) // Вестник Калужского университета. 2011. № 2. С. 37–44.
5. *Андреев И.В.* Русская либеральная партология: методологические ориентиры и содержание (вторая половина XIX в. — 1917 г.). М.: МГСУ, 2014.
6. *Берль А.* М.Я. Острогорский [Некролог] // Еврейская трибуна. Париж, 6 мая 1921.
7. *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 73. Ед. хр. 6158.

⁴⁴ *Quagliariello G.* Politics without Parties. P. 33–34.

⁴⁵ *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. С. 628.

9. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 318.
10. *Дюверже М.* Политические партии / Пер. с фр. М.: Академический проект, 2002.
11. *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993.
12. *Набоков В.Д.* Первый председатель Государственной думы // С.А. Муромцев и Первая Дума: Сб. ст. / Подгот. к печати К.А. Муромцевым. Tenaflly, N.J.: Hermitage, 1998. С. 62–77.
13. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997.
14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1160. Лейкина-Свирская Вера Романовна.
15. *Сальман М.Г.* Из школьных лет О.Э. Мандельштама // Русская литература. 2013. № 3. С. 168–181; № 4. С. 200–211.
16. *Слиозберг Г.Б.* Последние годы М.Я. Острогорского // Общее дело. Париж, 22 июня 1921.
17. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
18. *Ю.Г. Бакст, Николай Игнатьевич* // Еврейская энциклопедия. СПб.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1909. Т. 3. Стб. 698–701.
19. A Comprehensive Digital Bibliography of the Dreyfus Affaire. Its Time and Legacy: A Supplement to the Lorraine Beitler Collection of the Dreyfus Affaire at the Univ. of Pennsylvania / Compiled by J.-M. Guieu. Philadelphia: The University of Pennsylvania, 2005.
20. *Масу J.* [Рец. на кн.:] Ostrogorski M. Democracy and the Party System in the United States: A Study in Extra-Constitutional Government. N.Y.: Macmillan, 1910 // The American Political Science Review. 1911. No 3 (August). P. 472–474.
21. *Ostrogorski M.* Democracy and the Organization of Political Parties. 2 vol. / Translated from the French by F. Clarke. London; New York: Macmillan, 1902.
22. *Pombini P.* Introduzione alla storia dei partiti politici. Bologna: Societa editrice il Milano, 1990.
23. *Quagliariello G.* Contributo alla biografia di Ostrogorski // Ricerche di Storia Politica. — Anno X / 1995. Bologna: Societa editrice il Milano, 1995. P. 7–30.
24. *Quagliariello G.* Politics without Parties. Moisei Ostrogorski and the Debate on Political Parties on the Eve of the Twentieth Century. Aldershot etc.: Avebury, 1996.
25. *Rosanvallon P.* Lire Ostrogorski // Ostrogorski M. La Democratie et partis politiques. Paris: Seuil, 1979. P. 7–21.

Andreev I.V.

New Materials on the Biography of M.Ya. Ostrogorski

Igor V. Andreev — Ph.D., Associate Professor, Institute of Economy, Management and Information Systems in Civil Engineering and Real Estate, National Research Moscow University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Andreev-i-v@yandex.ru

Annotation

In this article, the author analyses some new materials about the life and creative career of M.Ya. Ostrogorski (1854–1921) — an outstanding Russian political thinker, one of the founders of the modern theory of political parties. The documents were found by the author in the Manuscripts Department of the National Library of Russia (St. Petersburg), and were never investigated or presented to the scientific community before. The new information was discovered in three of Ostrogorski's letters which weren't published earlier, and in the correspondence of his relatives — father, brother Alexander, sisters Anna and Adelina, etc. The author believes that these materials shed a new light on Ostrogorski's creative evolution, his motivation, the practical and political landmarks of his research project. In particular, the author comes to a conclusion that the beginning of the second («foreign») stage of the thinker's creative evolution should be assigned not to 1883, as it was previously to be, but to 1882. The author proves that Ostrogorski's aspiration to participate in practical political activities appeared not after his return to Russia in 1902, but much earlier, in the 70–80th of the XIX century, when he worked in the Ministry of Justice, and it continued during his stay in France. The personal characteristics of M.Ya. Ostrogorski given by his relatives add some interesting details to the existing psychological portrait of this scientist as a person who was infinitely devoted to science and ready to defend his conceptual conclusions uncompromisingly.

Keywords

M.Ya. Ostrogorski, theory of political parties, stages of creative evolution.